

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 21

„Корабли-призраки”. ...Эскимсы на охоте за моржами заметили сквозь туман обледенелый корпус огромного парохода. Мертвый гигант сиротливо маячил среди ледяной пустыни...

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 21

6р. в год на одном журнале «Всем, Следующим» с апреля. 24 ЛЕТЕ «Вокруг Света», 12 ЛЕТЕ «Всем, Турец» и 12 месяцев табл. «Народы СССР» на обл. журн. За границу подешевле платят на 50% за перевод адреса — 20 коп.

Редакция „Всем, След.“ и „Вокруг Света“: Москва, Пушкинская, Лубянский, пасс., пом. 63.

Подписка на журнал «Всемирный Спелеолог» (только со всеми приложениями, по 1 или 2 руб.) принимается в конторе журнала (Москва, центр, Ильинка, 16) и во всех почтовых отделениях, а также письмовоюдами.

СОДЕРЖАНИЕ: Мертвая голова. Рассказ А. Беляева (продолжение). — Человек и зверь. Рассказ А. Смирнова. — Озерный гений. Из «Пестрых рассказов» С. Бакланова. — «Остров смерти». Историко-революционный очерк об острове Мудьюк В. Белоусова. — Корабли-призраки. Очерк. (К рисунку на обложке). — Путешествия и путешественники. — Всемирный калейдоскоп. — Объявления.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, центр, Ильинка, 16, тел. 3-67-89) по 3 р. за строку в неделю; за страницу — 1200 р. (сверх тарифа — госналог 10%). При многор. печат. — скидка по соглаш.

10р. в год журн. «Всем, След.» с приложениями, сверх. укаланы. (слева) 24 книг **полного собрания сочинений Д.М. ЛОНДОНА** (первый и последний в серии) вторая половина будет дана приложением за 1929 г.).

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Рассказ А. Беляева

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Молодой ученый-энтомолог Жозеф Морель, получив научную командировку, отправляется с двумя товарищами в Бразилию, в верховья реки Амазонки, для собрания коллекций насекомых. Увлеченный погоней за бабочкой *Acherontia Medor* («мертвая

голова»), Морель один углубляется в девственные лесные дебри. Бабочка ускользает, и ученый решает возвратиться в лагерь.

Неожиданно Морель попадает на место, обильно заселенное пауками. Огромный хищный паук «ликоза» бросается на Мореля и долго преследует его. Выбрав свободное от пауков место, ученый устраивается на отдых...

Просясь Морель только вечером. Нужно было то, чтобы ни стало отыскать товарищей. Но слеза ученый выбрал направление и углубился в чащу, наступила ночь.

Утром ученый набрел на реку и, решив, что она, вероятно, впадает в Амазонку, отправился вниз по реке. Однако он скоро понял, что заблудился. В довершение всего он заболел тропической лихорадкой.

Наутро после приступа Морель попадает в заросли хищного дерева, и ему приходится в голову мысль лечиться от лихорадки хищной корой. С этого времени болезнь быстро идет на убыль. Морель решил устроить плот и, воспользовавшись дождливым периодом, отправиться вниз по лесной речушке, которая, по его мне-

Рисунки худ. А. Шварц

IX. Бессловесное существо.

— Здесь мы не найдем красных ибисов 1), — сказал Джон своему спутнику. — Ибис любит болота.

Джон был индеец. Он прекрасно говорил по-английски и по-португальски 2), сын его учился в универси-

1) Ибисовые — семейство аистообразных. Болотная птица.

2) Португальский язык считается официальным в Бразилии.

тете. Жил он в Рио-де-Жанейро¹⁾, где имел собственный дом и магазин, обслуживавший главным образом туристов и путешественников, приезжавших в Бразилию из Старого и Нового Света, чтобы поохотиться в лесах или собрать коллекции. Ни одна научная экскурсия или экспедиция не миновала его магазина. Здесь можно было найти ружья, палатки, сетки для москитов, складные кровати, фляжки, — словом, все необходимое для путешествия. Главной же приманкой был сам Джон. Никто лучше его не знал малоисследованные области Бразилии. К его советам прислушивались профессоры. Одежды по-европейски, сухой, подвижной, он мог сойти за испанца-коммерсанта. В его крови не умерло только одно наследие предков: склонность к приключениям бродячей жизни в лесах. Как дикая перелетная птица в неволе, каждый год он испытывал приступ тоски, желание расправить крылья и лететь... И ежегодно перед наступлением дождей он отправлялся с каким-нибудь путешественником к верховьям родной Амазонки.

На этот раз он оказал эту честь Арману Сабатье, богатому французу из Бордо, натуралисту-любителю и страстному охотнику.

Они поднялись по Амазонке на океанском пароходе до Манаожа, пересели на плоскодонный речной пароход, по Рио-Негро²⁾ поднялись до Сан-Педро, затем пешком отправились на север. Через два дня пути они миновали низменный бассейн реки и взобрались на возвышенность, поросшую густым лесом. По мнению Джона, в этом месте не могло быть красивых ибисов.

— Ну, что же, — сказал Сабатье, — нет красных, будем охотиться на белых. Здесь чудесно, Джон! Какая растительность! Тс...

Собака Сабатье, Диана, сделала стойку.

Арман Сабатье осторожно раздвинул кусты.

У ручья он увидел какое-то странное существо — полчеловека-полуживотное, сидевшего на земле. Длинные седые волосы дикаря, — если только это был человек, — ниспадали на плечи. Чрезвычайно худые, но жилистые руки и ноги были голые, а туловище неизвестного покрывали обрывки серой ткани, словно он наматывал на себя паутину. Дикарь сидел

спиной к Сабатье и, видимо, был погружен в какие-то наблюдения...

Как ни тихо Сабатье раздвинул кусты, дикарь услышал приближение людей³⁾. Он повернул голову, из-за его плеча показалась длинная всклокоченная борода, достигавшая согнутых колен. Старик сделал неожиданный прыжок и бросился в кусты с такой стремительностью, как будто он увидел не людей, а ягуара. Диана взвизгнула и с отчаянным лаем погналась за убегающей «дикью». Сабатье и Джон поспешили за собакой. Без сомнения, она живо догнала бы беглеца, не будь на его стороне значительного преимущества: он, очевидно, прекрасно знал местность и с необычайной ловкостью пробирался сквозь лианы и папоротники, тогда как Диана сразу же не раз попадала в петли и узлы лиан и принуждена была останавливаться, чтобы освободиться. Она давно упустила из виду двуногого зверя, но шла по следу, руководствуясь обонянием и инстинктом. Сабатье и Джон следовали за нею, прислушиваясь к ее удалявшемуся лаю. Наконец они нагнали собаку у большого дерева. Подняв морду, Диана яростно лаяла. Джон посмотрел на вершину дерева.

— Вот где он! Сидит в ветвях, видите?

Сабатье не сразу заметил в густых ветвях дерева спрятавшегося старика, который смотрел на них молча и «враждебно».

— Слезайте! — крикнул Сабатье по-французски.

— Слезайте, мы не причиним вам вреда! — в свою очередь крикнул Джон по-английски и еще раз по-португальски.

Но старик сидел неподвижно, как будто не слышал или не понимал их.

— Вот дьявол-то! — выбранился Джон. — Он глухой или немой. Что, если я влезу на дерево и сброшу оттуда этого лесовика?

— Нет, лучше подождемте его здесь, — ответил Сабатье. — Когда он убедится, что мы твердо решили познакомиться с ним, то, быть может, и сам спустится к нам.

Охотники распложились у дерева. Джон вынул из походного мешка чайник, консервы и сухари, разложил костер и вскипятил воду. Сабатье, сделав аппетитные бутерброды, высоко поднял руки и показал бутерброды старику, причмокивая губами, как будто он приглашал есть кошку или собаку. Дикарь зашевелился. Вид птиц, видимо, возбуждал его аппетит. Приглашение к столу говорило о мирных намерениях неизвестных людей, так неожиданно нарушивших

его одиночество. Однако старик еще долго не мог побороть чувства неприязни и недоверия. Он тихо замычал, как немой, и спустился ниже.

— Клюет, — весело сказал Сабатье, раскладывая на траве все содержимое своего мешка с продовольствием. Прошел еще добрый час, пока старик, спускаясь с ветки на ветку, оказался над самой головой охотников. Диана вновь неистово лаяла, но Сабатье заставил ее замолчать, и с недовольным ворчаньем она улеглась у его ног.

Старик соскочил на траву, не говоря ни слова, подошел к охотникам, схватил несколько кусков вяленого мяса и стоя начал с жадностью поглощать мясо, почти не разжевывая и давясь.

— Видно, в его рту давно не было мяса. Смотрите, как улетает, — одобрителем сказал Джон, протягивая старику новый кусок.

Насытившись, старик внимательно посмотрел на Сабатье и Джона, как бы изучая их, и кивнул головой. Этот простой жест доказывал, что охотники имеют дело с существом сознательным, хотя и крайне диким. Сабатье, со своей стороны, внимательно изучал внешность старика. Это лицо безусловно принадлежало европейцу, хотя тропическое солнце и придало коже темно-бронзовый оттенок. Главное же — старик носил очки. Значит, когда-то он был знаком с цивилизацией. Сквозь стекла очков на Сабатье смотрели странные глаза. В этих выветренных голубых глазах горел огонек дикости или безумия, но вместе с тем взгляд старика отличался сосредоточенностью мысли, которая говорит о сложном интеллекте.

Старик, продолжая разглядывать Сабатье, как будто решал какой-то важный вопрос. Брови его нахмурились, почти прикрыв внимательные, зоркие глаза. Потом он подошел к Сабатье и, тронув его за руку, удалился, как бы приглашая следовать за собой.

Сильно заинтересованные, Сабатье и Джон быстро уложили свои вещи и пошли за стариком.

Они вышли на большую поляну, среди которой поднималась группа деревьев, а на них среди сучьев и зелени виднелось воздушное жилище лесного отшельника.

Старик обернулся, еще раз кивнул головой и начал карабкаться по некоему подобию лестницы.

— Однако для своих лет он недурно лазит! — сказал Джон, улыбаясь легкости, с которой старик поднимался вверх.

¹⁾ Рио-де-Жанейро — столица Бразилии.
²⁾ Океанские пароходы поднимаются по Амазонке только до города Манаожа. Рио-Негро — река, впадающая в Амазонку.

Старик пролез ползком в небольшую дверь.

Когда Сабатье и Джон вошли в его жилище, старик пригласил их в соседнюю комнату, так как спальня, где едва помещалась кровать, была слишком мала для трех посетителей. Сабатье не без опаски ступал по полу, сделанному из бамбуковых палок на высоте сотни футов. Войдя во вторую комнату и оглядевшись, Сабатье и Джон замерли на месте от изумления... На столе аккуратно были разложены инструменты, употребляемые для препарирования насекомых и изготовления коллекций, — ланцеты, пинцеты, крючки, булавки, *шпильки.

На полках, потолке и полу были расположены коллекции насекомых, образцы волокон каких-то тканей, краски в деревянных сосудах. Пораженный Сабатье, прикинув в уме, решил, что за такую коллекцию любой университет не пожалел бы сотен тысяч франков. Один угол комнаты был заткан паутиной. Маленькие паучки, как трудолюбивые работники, сновали взад и г перед, натиная паутину на небольшие деревянные рамы.

Пока гости были заняты осмотром комнаты, старик принялся раскладывать добычу своего трудового дня. Потом он взял со стола птичье перо и обмакнул его в выдолбленный кусок дерева, в котором были налиты чернила, очевидно, сделанные из каких-то зерен или семян.

Сабатье заинтересовался этими приготовлениями. Старик собирался писать, но на чем? Однако «бумага» лежала тут же на столе — это были высушенные листья дикой кукурузы.

Старик написал несколько слов и протянул лист Сабатье.

Письмо было написано на латинском языке, которого Сабатье не знал.

— Латынь мне не далась, — сказал он, обращаясь к Джону. — Может быть, вы прочтете.

Джон посмотрел на желтый лист с черными иероглифами.

— Если бы здесь было написано даже по-португальски, я не прочел бы этого почерка, — сказал он, кладя лист на стол.

Сабатье посмотрел на хозяина и развел руками:

— Не понимаем!

Старик был огорчен. Он попытался издать какие-то звуки, но, кроме мычания, у него ничего не получилось.

— Разумеется, он немой, — сказал Джон.

— Похоже на то, что он разучился говорить, — заметил Сабатье.

— Что же, попробуем обучить его. Интересно, на каком языке он говорил, прежде чем его язык не заржалел, — ответил Джон.

И они усиленно начали заниматься «чистой ржавчины» языка старика. Они по очереди называли по-французски, по-английски и по-португальски различные предметы, показывая на них: стол, рука, голова, нож, дерево...

Старик понял их намерение и, казалось, очень заинтересовался. Английские и португальские слова, видимо, не доходили до сознания старика. Он как будто не слышал их. Но когда Сабатье произносил французское слово, оно, словно искрой, зажигало какую-то клеточку в мозгу старика, пробуждая уснувшую память. У старика на лице появлялось более сознательное выражение, глаза его вспыхивали, он усиленно кивал головой...

Но как только дело доходило до речи, почти страдальческие морщины покрывали его лоб; язык и губы не повиновались, и изо рта исходило лишь нечленораздельное бормотание, весьма похожее на те звуки, которые издавали попугаи, повторявшие его лекции.

— Без сомнения, французский — его родной язык, — сказал Сабатье. — Старикашка — прилежный ученик, из него выйдет толк. Мне кажется, он уже вспомнил все слова, которые я произнес, но не может повторить их, потому что его язык, губы и горло совершенно отвыкли от нужной артикуляции 1). Попробуем сначала поупражнять их.

И Сабатье начал обучать старика по новому методу. Он заставлял своего ученика отчетливо произносить отдельные гласные: а, о, у, е, и... Это далось легче. Потом перешли к согласным. Джон с трудом удерживался от смеха, наблюдая за гримасами, которые делал старик в попытках произнести какую-нибудь согласную. Он выпячивал губы, вертел языком вбок, вверх и вниз, подражая учителю, свистел, трещал, шипел...

Успех этого метода превзошел ожидания учителя. К концу урока старик довольно отчетливо и вполне одуобононимаемо произнес несколько слов.

— Ему нужно поставить голос, он слишком кричит, — сказал Сабатье. — Но на сегодня довольно. С него пот льет градом от напряжения. К тому же темнеет. Здесь

1) Артикуляция — членораздельное произношение слов.

слишком темно, чтобы разместиться втроем. Мы будем ночевать внизу.

Гости еще не могли свободно изъясняться с хозяином. Пришлось прибегнуть к мимике и жестам, чтобы объяснить, что они не покидают его совсем. Распростившись со стариком, Сабатье и Джон спустились по зубочной лестнице.

— Ну, что вы скажете? Пошли за ибисами, а попали на дикобраза! Удивительная находка! Без всякого сомнения, старик — ученый. Но как попал он в этот лес?.. Хотя бы он скорее научился говорить!

— Вы — прекрасный учитель, — заметил Джон, располагаясь на ночлег, — но все же на обучение должны уйти недели.

— Ради этого стоит пожертвовать несколько недель.

Пожелав друг другу спокойной ночи, они положили около себя ружья и улеглись спать.

X. Фессор.

Превращение старика в «словесное» существо пошло довольно быстро. В конце недели с ним уже можно было вести довольно продолжительные разговоры, хотя он еще путал слова. Но Сабатье ждало некоторое разочарование. Если старик овладел речью настолько, что его можно было понять, то его память, по выражению Джона, заржавела более основательно, чем язык, и никакие методы тут не помогали. Старик мог рассказать немало интересного о своей жизни в лесу, но все, что относилось к прошлому, он забыл. Он не мог вспомнить даже своего имени...

— Сколько же лет пробыли вы в лесу? — спросил его Сабатье.

Старик посмотрел на палочки с зарубками и пожал плечами.

— Не знаю. Должно быть, не меньше пятнадцати лет. — Старик наморщил лоб и, силясь припомнить, продолжал: — Примерно в тысяча девятьсот двенадцатом году я отправился в научную экспедицию...

— Значит, вы ничего не знаете о великой европейской войне?..

Да, он ничего этого не знал. Он с недоверием слушал рассказы Сабатье и, видимо, не чувствовал к ним большого интереса.

— Да, не менее пятнадцати лет. Я заблудился в лесу, гоняясь за редкостной бабочкой. Совершенно неизвестный вид «мертвой головы».

И ученый подробнейшим образом описал все особенности насекомого.

— За все эти годы мне так и не удалось встретить второго экзем-

пляра,—сказал он с неподдельной печалью.

Для него эта бабочка была важнее, чем все события, потрясавшие мир за последние пятнадцать лет. Он забыл свое имя, но не забыл, какого цвета была переднекрайняя жилка на внешнем крыле бабочки.

Я долго искал моих спутников, конечно, и они меня. Они, наверно, решили, что я съеден зверями или что меня проглотила змея. Но я уцелел, как видите. Вы — первые люди, каких я вижу...

— От такого страшлища, как он, вероятно все звери бежали!— сказал по-английски Джон. — Ему надо придать более человеческий вид.

— Вы были женаты?— продолжал расспросы Сабатье.

— Не помню.

— Кажется, что да, — продолжал он после долгой паузы. — Я вспоминаю в своей жизни женщину, которую я любил... Да, женщина... Но я не знаю, была это моя жена или мать. Наука и занятия настолько меня съели...

— Поглотили, — поправил Сабатье.

— Да, проглотили, что я уже не могу припомнить, как жил на свете.

— Но города вы представляете себе?

Старик, неопределенно разведя руками вокруг, кратко ответил:

— Шум.

— Неужто уши ваши помнят дольше, чем глаза?— удивился Джон и, подойдя к старику, спросил:

— Не разрешите ли вы мне вас остричь?

— Стричь?

Джон взял прядь его волос и показал пальцами, как стрижет парикмахер.

— Снять ваши волосы, — пояснил и Сабатье по-французски.

Старик не отвечал ни да, ни нет. Ему было безразлично.

— Молчание — знак согласия.—

Джон взял маленькие ножницы с рабочего стола и, усев старика на самодельную табуретку, принял стричь бороду и волосы на голове.

Окончив, Джон остался чрезвычайно доволен своей работой, хотя ему пришлось немало потрудиться: густые, свалышшиеся, как войлок, грязные волосы старика было трудно резать маленькими ножницами.

— Отлично. Я пройду в лагерь, возьму запасную палатку и сошью нашему старику костюм. К тому же нам надо как-нибудь окрестить его. Ведь он человек ученый — профессор. Кратко это будет — Фессор. Фессор — очень хорошая фамилия.

Когда Сабатье перевел старику предложение Джона, старик охотно согласился:

— Фессор — это хорошо. Я буду Фессор. — С тех пор за ним закрепилось это имя.

Костом был скоро шит. Правда, он напоминал погребальный саван, но зато не стеснял Фессора, привыкшего к удобной, легкой звериной шкуре.

— Ну, что вы еще хотите с ним сделать?— с улыбкой спросил Сабатье, видя, что Джон критически оглядывает своего помолодевшего клиента.

— Подкормить, — ответил Джой. — Уж больно он худ!

Джон отчаянно вскрикнул и кубарем скатился с дерева.

— Вы чем питались?— спросил его Сабатье Фессора,

— Зерна, ягоды, птичьи яйца, насекомые, — ответил Фессор.

Ну, разумеется, — сказал Джон, услышав ответ. — Немуद्रено, что он тощ, как комар в засуху.

И они начали кормить старика чем могли из своих запасов и тем, что добывали охотой.

Однажды Джон, страстный рыбак, решил наловить Фессору рыбы, оглушая ее. Он взял бутылку из-под виски, влил в нее на четверть углерода, который у него был в запасе, и бросил в воду. Бутылка взорвалась, и от взрыва кругом была оглушена рыба. Все, в том числе и Фессор, начали поспешно вылавливать всплывшую на поверхность рыбу и тщательно промывать ее, чтобы яд не проник внутрь.

— А у меня есть еще более простой способ ловить рыбу, не боясь отравиться ею, — сказал Фессор. — Я знаю паразитическое растение, — оно растет вот в той части леса. Этим растением можно опьянить

— Значит, вы и рыбой питались? — спросил Сабатье.

— Давно, — ответил Фессор. — Растение — очень высоко, а мне нет времени лазать по деревьям, если можно питаться ягодами на ходу.

Джон очень заинтересовался этим растением, которое даже ему не было известно, и решил тотчас отправиться за ним.

Фессор указывал им путь. Он шел по лесу, как по музею, где каждый экспонат ему был хорошо известен. От времени до времени он справлялся по каким-то зарубкам, сделанным на деревьях. На вопросительный взгляд Джона он ответил: — Я исходил лес во все стороны от хижины, и всюду через каждые пятьдесят — шестьдесят метров у меня сделаны на деревьях значки — они показывают путь.

Фессор завел своих спутников в такие дубри, что они с трудом пробирались.

— Вот там, вверху, видите вьющиеся растения с белыми цветами? Это и есть мои рыболовные принадлежности.

Даже Джон, ловкий как обезьяна, с трудом взобрался на вершину дерева, опутанного лианами.

Он сбросил несколько веток с белыми, одуряюще пахнущими цветами. Слезая вниз, он увидел на мохнатом стволе дерева роскошную белую орхидею и сорвал ее.

— Я не знал, что вы такой любитель цветов! — сказал Сабатье, наблюдая за Джоном. Но Джон вместо ответа отчаянно вскрикнул, кубарем скатился с дерева и, не переставая кричать, запрыгал по траве, хватаясь за лицо и руки.

Сабатье решил, что его укусила змея. Но Фессор бросился на помощь Джону и начал сбрасывать с его рук и лица маленьких белых муравьев. Сабатье последовал за Фессором, и они втроем начали поспешно сметать с Джона муравьев. Несколько этих ядовитых насекомых упало на руку Сабатье, и он понял, почему Джон кричал так неистово. Боль от укусов муравьев была нестерпима, как укол раскаленной иглы.

Когда, наконец, Джон был освобожден от насекомых, Сабатье подошел к орхидее и увидел, что вся внутренность цветка была сплошь усеяна белыми муравьями.

— Эти злые насекомые (насекомые), — сказал Фессор, — могут съесть живого человека. Однажды они напали на меня. Я спасся, потому что бросился в воду. В воде они еще долго кусали меня, пока их не смыло.

Все тело Джона горело, как будто он принял ванну из красного кайенского перца. Тем не менее он настаивал на продолжении рыбной ловли.

— Мне необходимо искупаться в реке, иначе я горю в собственной коже! — уверял бедняга.

Лов вышел удачный. Растение Фессора действовало изумительно. Несмотря на то, что вода была проточная, хотя и с медленным течением, наркотический сок растения настолько одурманил рыбу, что вся поверхность реки покрылась ею. Но этого мало, — Джону посчастливилось поймать в реке животное из породы аллигаторов, водяную ящерицу, на вид весьма невинную, а в действительности по кровожадности мало чем отличающуюся от каймана.

— Что вы будете делать с этой ящерицей? — спросил Сабатье.

Но Джон только таинственно улыбнулся.

В этот день обед вышел на славу. Сварили и зажарили рыбу.

На закуску Джон вырезал лучшую часть для еды — хвост чуйовища, за-

тем вынул из тела яйца, которыми оно было наполнено. Печеные яйца ящерицы пришлось весьма по вкусу Фессору, он признался, что не знал об этом вкусном блюде. Джон был, видимо, польщен.

В конце обеда вышла маленькая неприятность. Оказалось, в сахарнице почти нет сахара.

Фессор тотчас предложил свести гостей к столетнему дереву, где водились медоносные мухи.

— Это недалеко, — сказал он, — и вы увидите, что там легко можно сделать запас сахара. Я изучал

жизнь этих мух и знаю, как вынуть мед и не трогать их: задвижку я всегда оставляю сверху дупла, а мед выгребая из-под мух. Мед этих мух вкусней, чем пчелиный, а воск — белый, белый. Мухи дольше, чем пчелы, приготавливают воск; по этой причине я всегда возвращаю воск после того, как самодельной центрофугой извлеку из него весь мед.

Через полчаса маленькое общество уже сидело за чаем, наслаждаясь мушиным медом необычайного вкуса и аромата.

(Окончание в след. №)

ЧЕЛОВЕК И ЗВЕРЬ

Из рассказов старого охотника Ромаша

Если знойным днем вам придется быть в горах и на вашем пути встретится ущелье, то прежде чем войти в него, внимательно окиньте взглядом горизонт, — не лезет ли откуда-нибудь грозовая туча? Грозы в горах раздражаются с удивительной стремительностью, а быть застигнутым ливнем на дне узкого ущелья — значит оказаться в довольно опасном положении...

В тот день я лазил по скалам за горными курочками. Солнце стояло почти над головой, когда я очутился у подножья светло-желтой известковой скалы, точно гигантским ножом разрезанной сверху донизу на двое. Зной был нестерпимый. Лишенная растительности скала была похожа на огромную жарко нагретую плиту, от которой струилось маревное накаленное воздуха. Окунуться в прохладную тень каменной галереи было единственное, о чем я думал, но для этого нужно было перелезть через большую гряду камней (результат недавнего обвала), преграждавшую вход в ущелье. На это потребовалась не одна минута. Преодолев препятствие и вступив в прохладный полумрак щели, я услышал первый раскат грома надвигающейся грозы...

Опасность, которую представляет собой узкая горная щель во время ливня, мне хорошо была известна. Мне следовало тотчас же вернуться назад, чтобы переждать грозу вне щели, тем более, что я бывал в этой щели раньше и знал характер ее дна и стен. Однако я понадеялся на свои ноги. Щель имела в длину около километра, и я думал пройти это расстояние до начала дождя. Но не успел я сделать и сотни шагов, как темная туча стерла над

моей головой узкую полосу голубого неба, и меня окутали сумерки. Порыв ветра пронесся по щели, а вслед за ним упали первые крупные капли дождя. Раздался оглушительный удар грома, от которого заколебалась почва. Казалось, где-то сверху вышибли гигантскую пробку: в ущелье неудержимым потоком хлынула вода...

Щель имела уклон в мою сторону: дно ее тотчас же превратилось в сплошной бурлящий поток, который, подбирая по пути камни, бешено устремился мне навстречу. Огромное количество воды лилось сверху по отвесным стенам, а еще больше вливалось в щель со стороны противоположного входа, за которым возвышалось каменное плато. Возвращаться назад было поздно, и я подвигался вперед наперекор разбушевавшейся стихии.

Задерживаемая завалом при входе из щели, вода прибывала с ужасающей быстротой. Я шел в воде выше колена, и мне уже трудно было противостоять ее напору. Чтобы не быть унесенным взбесившимся потоком, мне нужно было немедленно сойти с его пути. Цепляясь за каменную стену и почти захлебываясь от лихих сверху ледяных струй, я увидел на противоположной стороне щели, шагах в десяти от себя, небольшое уступ, резко выделявшийся на полированной поверхности скалы. Вырвать дождевыми стоками дорожка в камне могла служить лестницей.

Ширина щели в этом месте не превышала четырех метров, но мне стоило больших усилий перебраться на другую сторону, так как вода поднялась уже до пояса. Когда мне удалось ухватиться за противоположную стену, я стал карабкаться

вверх по скале. Наконец я взобрался на площадку. Взглянув вниз, я чуть не вскрикнул от ужаса...

По моим следам на уступе взбирался бурый дагестанский медведь...

* * *

Хотя мое ружье не было заряжено и стволы заткнуты от воды тряпкой, но

огонька. В них отражались недоумение и даже страх...

«Вот попал в переplet!.. — как будто хотел сказать медведь.

Словом, зверь был сильно озадачен своим приключением и в то же время рад-радешенек, что выбрался из беды. Насколько страшен медведь, когда он расщипывает, настолько этот был смешон после принятой им ванны. Мокрый с головы до пят, с ссадиной на носу, хозяин дагестанских ушей имел жалкий вид. «Мокрая курица!» — пронеслось у меня в голове.

Очевидно, медведь почувствовал свою непрезентабельность. Посмотрев на меня, он старательно отряхнулся, с достоинством фыркнул, погладил морду лапой и лишь после этого присел на краю площадки,

бокком ко мне. Немного погодя, он вытащил передние лапы и положил на них морду с таким видом, словно хотел сказать:

«Ну, что же, подождем немножко. Ничего, видно, не подделаешь...»

Мне ничего не оставалось, как со-

гласиться с ним:

«Подождем, приятель!..»

* * *

Ливни в горах обильны, но непродолжительны. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, но вода в щели, поднявшись до высоты человеческого роста, все прибывала. Завал в конце щели мешал быстрому стоку.

Пока дождь шел, мой товарищ по несчастью лежал не шевелясь, отдыхая от пережитых волнений. Но как только перестало лить, медведь вышел из своей неподвижности. Поднявшись на ноги, он так энергично отряхнулся, что окатил меня брызгами, хотя нас разделяло пространство метров в семь. Потом сделал шаг к спуску, но тотчас же остановился, словно был удивлен тем, что увидел: вода клочкотала теперь гораздо ближе к площадке, чем раньше.

Посмотрев некоторое время на воду, медведь перевел взгляд вверх. На него глянула узкая полоска голубого неба, и ни одна капля не упала ему на нос. Дождь прекратился, но почему же внизу так много воды?.. Вся фигура медведя в этот

момент выражала полнейшее недоумение.

«Ну и дела!.. Ничего не понимаю...» — казалось, сказал он.

Внезапно (я потонул даже за ружьем) неуклюжее тело его напряжилось: медведь, видимо, рассердился. С удивительной ловкостью схватил он передними лапами лежавший около него камень и, поднявшись на задние лапы, швырнул его вниз. За ним полетели второй, третий... Подобно тому, как некий царь в древние времена высек море за то, что оно потопило его корабли, этот чудак, очевидно, хотел наказать горный поток, преградивший ему путь.

Право, я готов был расхохотаться над его уморительной проделкой, но боялся своим смехом помешать зверю излить свое справедливое негодование. Кроме того, меня интересовало, что предпримет этот баловник, когда ему надоест швырять в воду камни. Но тут произошло нечто такое, что было полной неожиданностью настолько для меня, сколько для зверя...

Швыряя в поток камни, медведь так увлекся, что забыл о размерах нашей площадки. С каждым швырком он все ближе подходил к обрыву. И вот, когда он бросил огромный камень (уже не знаю, какой по счету), его лапы вдруг поскользнулись на мокрой скале. Беспомощно болтуя в воздухе ногами, медведь кубарем покатился вниз...

По моим следам на выступе взбирался бурый дагестанский медведь.

привести его в боевую готовность заняло лишь несколько мгновений. Однако, вложив в стволы патроны с пулями и взглянув еще раз вниз, я не поднес ружья к плечу, а спокойно положил его под навес скалы, чтобы оно не мокло под дождем.

В ружье пока не было надобности. Карабкаясь по камням, медведь и не думал меня преследовать. Как и я минуту назад, он просто спасался от беды. И, кто знает, не я ли надумил его искать спасения на уступе?..

Как бы там ни было, зверь, несомненно, меня видел. Стараясь вытащить из воды свое неуклюжее тело, он смотрел на площадку, на которой я находился. Выбравшись из воды, он пошел дальше, спеша уйти от грозного потока. Он даже не задержался на камнях чуть ниже уступа, вероятно, считая их недостаточно надежным убежищем. Только добравшись до площадки, медведь перевел дух.

Наши глаза встретились...

На своем веку мне не раз приходилось сталкиваться с медведями, и я хорошо знаю зловещий огонек, который загорается в маленьких глазах зверя, когда тот становится на задние лапы и идет в атаку на человека. Но, взглянув в глаза этому медведю, я не увидел в них зуткого

Медведь схватил передними лапами камень и швырнул его вниз...

Над этой картиной можно было помереть со смеху, но попасть в горный поток после ливня — дело нешуточное. Я думал, что медведю пришел конец. Хотя медведи и хорошие пловцы, но даже самый сильный из них не мог бы справиться с бешеным потоком. Пловец немедленно был бы измолот, словно жерновками, несущимися по дну потока камнями. А этот медведь был совсем молодой...

Я был бы искренно огорчен гибелью мишки, так как за непродолжительное время, что мы провели с ним на площадке, между нами установились взаимное понимание и даже симпатия. Однако медведю повеселилось. Бултыхнувшись в воду, он скрылся с головою, но тотчас вынырнул немного ниже, у самого края потока. «Паренек», видимо, не потерял присутствия духа: обняв свисавший над водою камень, он скоро выбрался из воды. Через минуту тем же путем, как и раньше, медведь взобрался ко мне на площадку...

— Ну, как, дружище, — с улыбкой обратился я к нему, — холодна ли вода в потоке? — Медведь ответил мне таким взглядом, словно хотел сказать:

«А ну его к шуту!.. Еще утонешь, чего доброго!..»

На этот раз он устроился подале от опасного обрыва...

* * *

Время шло. Близилась ночь, а поток продолжал бурлить, неприступный и грозный. Было ясно, что нам с медведем едва ли удастся покинуть площадку раньше утра следующего дня.

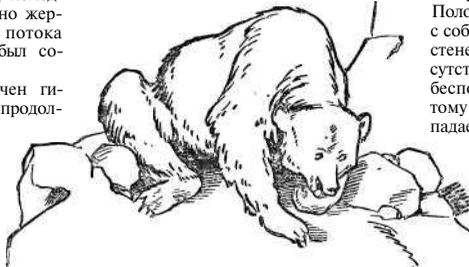
В сущности, я ничего не имел против того, чтобы провести ночь в обществе зверя, но в моем положении было одно неудобство: я не мог развести костра, чтобы обсушиться и вскипятить чай. Мысль о чае напомнила мне, что у меня во рту не было ничего с самого утра.

В сумке у меня имелся хлеб. Хотя после дождя он скорее походил на тесто, но это было даже кстати: этим кушаньем можно было одновременно утолить голод и жажду. Я принялся жевать хлебное месиwo.

• Вероятно, запах съестного коснулся носа моего товарища по несчастью. Подняв морду, медведь воспритительно уставился на меня.

— Ты тоже проголодался, приятель? — спросил я.

Мишка ничего не ответил, но продолжал смотреть, как я ем. Я скалтал небольшой шарик хлеба и бросил его под нос медведю. Медведь шарханулся, но потом придвинулся к хлебу и долго в раздумьи обнюхивал его. Однако есть не стал.

Медведь съедал сахар, причмокивая от удовольствия...

— Значит, ты не очень голоден, — решил я. — Больше угощать тебя нечем. Впрочем, погоди...

У меня в сумке был порядочный запас сахара, — в горах этот продукт достать трудно, и я захватил его на весь путь. Правда, сахар также несколько подмок, но в нашем положении нельзя было быть требовательным. Достав несколько кусков, я один из них подбросил медведю. Повторилась та же церемония. Медведь долго нюхал, потом решился лизнуть. Ну, а разве можно утерпеть, отведав сладкого?..

Нужно было вознагражить беднягу за пережитые им тревожения. Я подбросил еще кусок — мишка съел его уже без всяких церемоний. И вот началась кормежка. Я бросал сахар, а медведь ловил его почти налету. С преумерительным видом засовывал в рот маленькие кусочки и съедал, причмокивая от удовольствия.

Медведь снова увлекся: расстояние между нами уменьшилось наполовину. Один раз, ловя кусок сахара, он чуть было снова не свалился вниз. Угощение так понравилось дагестан-

скому лакошке, что он забыл все на свете...

Стало уже темно, когда я прекратил кормить медведя, хотя сластена готов был ловить сахар до самого утра. Из всего запаса у меня осталось лишь несколько кусочков; и я решил приберечь их для себя. Положив ружье и сумку рядом с собой, я прислонился к каменной стене с намерением заснуть. Присутствие зверя меня ни капли не беспокоило. Медведь, если его к тому не вынудят, никогда не нападает на человека, а с этим мы были на приятельской ноге. Как я уже сказал, медведь был в сравнительно юном возрасте и, по всей вероятности, еще не встречался с человеком. Я был для него безобидным и даже добрым двуногим зверем. Нет, беспокоиться мне было нечего.

Полакомившись сахаром, мишка смиренно сидел на своем месте, повернув ко мне морду. Может быть, мне это почувдилось, но, когда я засыпал, чей-то голос сказал около моего уха:

— Дай еще кусочек...

«Хватит с тебя! — не открывая глаз, мысленно ответил я. — У самого мало осталось...»

Потом на меня навалился сон... Вот и все мое приключение в Карадагской щели. К этому надо лишь добавить, что, проснувшись на следующий день утром, я нашел, что вода в ущельи спала, и я мог продолжать свой путь. Медведя на площадке уже не было. На месте, где он сидел, валялась моя сумка. Выпотрошенные из нее вещи и кое-какие припасы хотя и оказались несколько помятыми, но все были в целости, за исключением... сахара.

Воспользовавшись моим сном, четвероногий приятель обокрал меня самым бесовственным образом. Он до единого кусочка поел мой сахар!..

Туапсе.

А. Смирнов.

„ОЗЕРНЫЙ ГЕНИЙ“

Из „Пестрых рассказов“ С. Бакланова

Допевали февральские вьюги, а я мечтал:

«Куда бы летом махнуть?..»

Сбирал сведения о местах привольных, выпытывал приезжих и проезжих людей.

Очень хотелось накопить сил, отдохнуть; хотелось, чтобы лето улыбнулось мне румяными зорями. Доло

я мечтал... Наконец однажды погрузился в вагон; повез меня ускоренный поезд, роняя светло-пепельные клочки дыма в весенних лесах и полях, и привез в край водный, лесной, просторный.

Деревья, где я нашел приют, от чутки далеко-далеко. Выбрал я такое местечко, куда дачники еще не

совали носа; поэтому сначала смотрели на меня деревенские, как на неведомое чудище. Только раскусив, что на людей я не бросаюсь, хат не поджигаю и вообще напастей от меня можно не ждать, перестали остерегаться.

Тогда я завел знакомство с кузнецом Сеней; у него — большая квалификация: однажды проезжого из беды вывел, мотоцикл починил.

Сеня — элемент трудовой, свободен по праздникам, а я элемент инвалидный: круглый год гуляй да лечись. Сеня — рыбовод, я — охотник, но охотиться в мае, не говоря уже о запрещениях, просто свинство.

Вокруг деревни — леса и воды; леса — многодумные, хвойные, воды — речные, текущие; есть и стоячие — озерные. Сенин отец, Клим, имеет челнок килевой, на воде быстрый. Мне было разрешено пользоваться тем челноком в любое время дня и ночи, только советовали себя не потопить. Буднями я плавал по озеру, любовался природой, чувствовал себя бодро, но скука одолевала меня смертельная: хоть прыгай в воду с камнем на шею!..

Праздниками я не скучал: Сеня разделял компанию. Мы приплывали к местам, где клев рыбы получше. Бывало, он канителится с пудовой шукой, — то отпускает леску, то вновь притягивает к челноку могучую рыбину, — а я смотрю и от страсти дрожу.

С субботы, чуть загустеет кровь вечерней зари,

мы запаливаем на берегу костер, и плещется он саженым пламенем вплоть до утра.

Само-собой — бесконечные разговоры; предпраздничная бессонная ночь. С этих-то разговоров и началась история...

— Видишь ли, какая вещь, — спросил меня Сеня, — почему это рыба плавником загребает, а пароход — винтом?

Вопрос был поставлен сложный. Действительно — почему?..

Я ответил, как немец, основательно взвесив свои слова:

— Одно дело — природа, другое — механика.

Сеня не удовлетворился:

— Разве механика не берет от природы?

Одним словом, загнал он меня в тупик...

Прошла неделя, пришла новая суббота, снова заплескался — саженым костер, снова глядел на меня пылливый Сеня, и под его взглядом я ежился.

Но Сеня сказал:

— Знаешь, почему я тебя допрашивал?

— Почему? — отозвался я с облегчением.

— Потому что мысли меня оглушили.

— Какие мысли?

— А вот. Рыба плавником загребает, пароход — винтом. Как же правильно? Ясно, по-рыбьему, потому что у рыбы — прямой загреб, а у парохода — косой.

Что из этого можно было понять? Я попросил его высказаться поточнее.

— Эх-ма! — сказал Сеня. — Не дошли мы до ученых пояснений. Ну, ладно, слухай: понятно, винт косо загребает, у него же косые загиги.

Я, наконец, понял. Сеня хотел сказать, что у винта изогнутые лопасти, следовательно, упор в воду под известным углом.

— Но ведь пароходу никак невозможно по-рыбьему! — загорчился я. — Да ведь и рыба...

Сеня усмехнулся.

— Знаю, знаю! Рыба лишь сперва загребет пунто, потом у ней плавник к брюху идет. Нужно самое дальнее от природы для механики вязать.

— Значит, ты собираешься изобрести такое бесконечное ведро, которое будет все высываться и высываться из кормы парохода, упиравсь дном в воду. Где же оно поместится, твое бесконечное ведро?

— Нет, я не то хочу.

— А что?

— Вот увидишь. Однако помни, я тебе по-дружески доверяюсь, помочи твоей жду: ты более ученый. Никому не звони до времени!

— Будь спокоен. А помогу я тебе с радостью, — сказал я.

Еще прошла неделя, подошла новая суббота... Сеня распалил костер и показал мне две незатейливые штучки, одинаковые по устройству. К полуметровым стержням прикреплены квадратные пластинки. Прикрепил их Сеня петлями, какие употребляются для деревянных сундуков. На стержнях устроены упоры. Движение пластинок, как у двери: закрывается, открывается.

— Для чего эта забава? — спросил я.

Сеня нахмурился.

— Разжеванное проглотить не можешь! Жаль, ночь, а то бы я показал, как в воде действуют.

Он заговорил про деревенскую тоскливую зимовку, потом про утиные выводки, но червь любопытства точил меня: я ждал утра.

Ночью мы сладко вздремнули около трескучего пламени и проснулись, когда голубовато-серый свод неба был подрезан алой каемкой зари. Костер догорал. Мы прогнали сонное отупление, ополоснувшись озерной водой.

„Видишь ли, какая вещь, — спросил меня Сеня, — почему это рыба плавником загребает, а пароход — винтом?..“

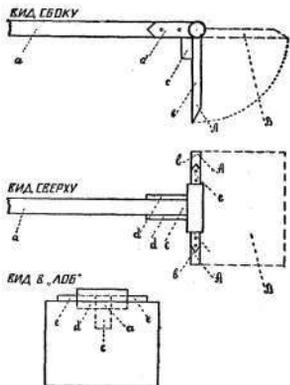

Схема плавника, изобретенного Сеней: а—часть стержня, б—допасть плавника, в—упор для допасть, д—укрепление «петли» на стержне, е—укрепление «петли» на допасть, ж—допасть в закрытом виде, з—допасть в открытом виде. Пунктиром в первом чертеже отмечено движение допасть плавника.

— Ну, покажи, как действует, — не утерпел я.

— Ладно, потом.

— Сейчас покажи. Очень мне интересно.

— Сам же говорил: забава!

— Да это я так...

Оказалось — проше пареной репы. Сенька погрузил в воду стержень с пластинкой, потянул ее назад; пластинка открылась, то-есть легла в горизонтальном положении; затем он двинул стержень вперед — пластинка закрылась, стала вертикально (ее удерживал выступ); в таком виде она упирается всей плоскостью в воду. Само собой разумеется, открытая пластинка проходит сквозь жидкость легко, без сопротивления, а закрытая дает толчок.

— Постой, постой! — заторпился я. — Но ведь винт гребет постоянно, а твой, назову его — механический плавник...

Сеня поглядел на меня с сожалением:

— Ты, видно, недоученный. На кой же бес я сработал два плавника! Пока один гребет, другой готовится для Загребца. Не видал, что ли, как поршни машины: один — назад, другой — вперед!

— Сенька, ты — гений! — в диком восторге воскликнул я. — Ты убил винт!..

Обнял своего приятеля-кузнеца и поцеловал...

Подожли минуты скучного одиночества; я вло колыхал веслами озерную гладь.

«Однако, — рассуждал я, — пока плавники закрываются и открываются,

— на момент судно окажется без движущей его энергии. Да, это так... И лучше не говорить Сеня: опечалиться».

Но разве шило в мешке утаишь? Сказал горькую истину и словно хватил приятеля обухом по лбу...

В субботу не густела кровь вечерней зари: мокрые облака цвета линяющего зверя неслись низко и быстро. И откуда взялась их такая прорва! Заволокло с четверга...

Сеня сидел дома, я томился над давно прочитанной книгой.

Вечер уступил ночи, я разделся и лег, хотя спать не хотелось.

Мои хозяева — богомольные: горела лампада. Поглядывая на зеленый опрокинутый колокольчик, наполненный маслом, я поймал интересную мысль:

«Не пропала Сеня идея. Стоит только добавить третий плавник, который станет толкать в тот момент, когда два остальных бесполезны...»

Мне захотелось, как быню помещанному, вскопич с кровати, промчаться по невылазной грязи, добежать до Сени, поднять его, сонного, и во всю мочь закричать:

«Третий плавник ты забыл, озерный гений! Подумай о толкающей передаче с трехколенного вала!»

Не будь мокрых облаков, потопивших деревенскую улицу, — даю честное слово, сорвался бы я с места...

Пришло воскресное утро — серое, безнадоеное. Я похлебал молока и пошел к Сене.

Мы стояли на выгоне, в отдалении от хат, и перешептывались.

— Как же обработать это дело?

— Послать чертежи и описание в ленинградский комитет по делам изобретений. Когда вышлют заявку, — судостроительному заводу письменное предложение.

— Как же смастерить чертежи?

Тут я вторично привинудился к тупику: с машиностроительным черчением хотя и знаком, но у меня ни готовальни, ни «ватмана», а кругом — водно-лесные дебри.

— А если сработать плавники в махоньком виде и по догадливости

все написать, как через машину будет производиться толкание? Это можно?

— Конечно, можно! — обрадовался я. — Модель и описание, чего же лучше!

С тех пор Сеня забросил работу; провалился она пропадом, кузья, если делаешь революцию в судостроительном деле!..

Деревня, как и в первые дни моего пребывания, считает меня опасным чудищем: какого работника сбил с пути! Сеня отец, Клим, поглядывая на меня, словно встретившийся с человеком медведь, который разгадывает: броситься ли ему или лучше уйти по-доброму, по-здорову?

Потянулись кислые дни; Сеня начал модель.

Поглядывая на зеленую лампаду, я, наконец, вполне здраво размыслил:

«Не перебороть плавником винта! Быть может, целое столетие пройдет, покаду их усовершенствуют. Вал, а на конце его винт — и просто, и удобно, и задний ход — пожалуйста, в любую секунду. Где у плавников задний ход, каким образом его устроить? Притом чрезвычайно громоздко: три стержня и огромный трехколенный вал!»

Мне хотелось пойти по улицам заснувшей деревни, тихо разбудить «озерного гения» и сообщить ему печальную правду.

Осенью я прошался с Сеней. Кобыла поднатужилась, струнула телугу; зарохотало, толкнуло в бок. — Авось, додумаюсь. Если что дельное, пришло весть, — вот последние слова Сени. В них так явно звучали несбыточные надежды...

Близ станции по лиственным рощам словно кто-то безумно шедрый раскидал красное и желтое золото. На рябинах — пряди кораллов...

Под говор вагонных колес я думал:

«Но разве это не великое достижение нашего времени, что Сеня — кузнец из заглохшей деревни — задумал совершить переворот в судостроительном деле?..»

„ОСТРОВ СМЕРТИ“

Историко-революционный очерк В. Белоусова¹⁾

I. Три музыки.

Наш пароход до-отказа наполнен пассажирами. По палубе нельзя ходить: обязательно кого-нибудь раздавишь. На юте, за рубкой, — духовой оркестр. Другой оркестр,

струнный, — на носу. Звучи первого оркестра относятся ветром и спереди загоржены рубкой. Они слышны

¹⁾ Из материалов поездки, совершенной автором летом текущего года по специальному заданию редакции «Следопыта» и «Вокруг Света».

только на задней половине парохода. Звуки второго оркестра слабы и за гулом голосов дальше рубки не идут. Поэтому оба оркестра друг другу не мешают и играют одновременно.

Над палубой, подобно монументу, возвышается массивная фигура распорядителя. Он кричит что-то в рупор. Слышны хрипящие и лающие звуки, как из громкоговорителя, но слов разобрать нельзя. Кто-то попросил распорядителя отнять его рта рупор и говорить обыкновенно. Тогда его все хорошо понимают...

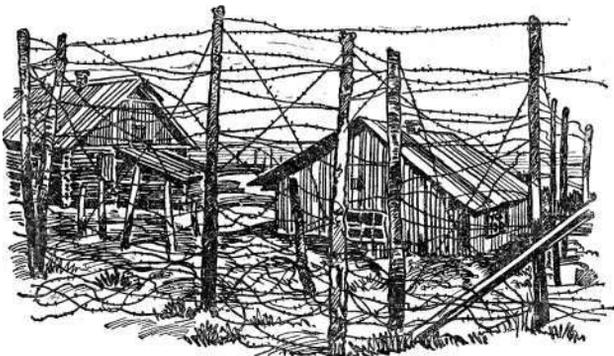
Наш пароход весь увешан пестрыми флажками. Это — сигнальные флажки, и каждый из них имеет свое значение. Одни означают болезнь, другие — аварию, третьи спрашивают у встречного парохода о его национальности, но когда флажки вывешены все сразу, они означают — праздник.

Мы идем узким рукавом Двины — Маймаксой. По берегам серыми глыбами — островами среди светло-желтого моря штабелей леса — висят лесопильные заводы. У заводов грузятся иностранные лесовозы. Их черные грузные тела занимают почти всю ширину Маймаксы. Проходя мимо, мы читаем их имена, написанные белыми буквами на корме.

Наша передняя палуба полна красноармейцами. Они составили хороший хор, и каждый раз, когда мы проходим мимо иностранного лесовоза, этот хор затягивает песню. Тогда у нас — сразу три музыки: два оркестра и хор. Хор поет «Марш Буденного», «Стенку Разина», «Варшавянку»... На лесовозах нашей музыкой очень довольны. На кормах, на матросских палубах появляются десятки людей, из иллюминаторов высовываются руки и приветственно машут. Люди на палубах что-то кричат, и липа у всех радостные. На «чистой» палубе и на мостиках неподвижно стоят плотные фигуры командиров и штурманов. Они разглядывают нас в бинокль. Изредка солидно машут белой фуражкой.

По Маймаксе медленно пробираться к выходу в море груженый лесовоз. Его громада еле помещается в узком протоке, и он, не умолкая, гудит негромким, глухим звуком. Мы проскальзываем около самого его носа, и наш пароходик вдруг становится до жути крошечным...

За последним изгибом Маймаксы виден шинковый блеск моря. Мы проходим мимо последних лесовозов, и красноармейский хор удваивает свои усилия. С присвистом, с прикриванием, с притоптыванием он поет

Паутина колючей проволоки окружает пустырь...

«Сизого селезня». Поет артистически. На палубе норвежского парохода, мимо которого мы проходим, слушают с восторгом. Когда удалая песня достигает своего апогея, две матросов в голубых фуфайках не могут больше себя сдерживать — они обнимают друг друга и, смешно отбрасывая ступни ног, танцуют... фокстрот.

II. „Остров смерти“.

Над морем жарко горит солнце, расплавляя небо. По стенкам прозрачной опрокинутой чаши неба струится бледно-желтый воск. У горизонта он скапливается пасмурным пластом.

Тотчас же по выходе в море виден остров Мудьюг. Длинной двенадцатикилометровой полосой вытянулся он перед самым устьем Северной Двины. В ширину остров Мудьюг имеет всего три километра. Плоский, песчаный — он напоминает большую отмель. Растительность его — жесткая колючая трава да редкие чахлые сосны. От материка остров отделен мелким проливом — Сухим Морем. В отливе Сухое Море может перейти в водол.

От пристани наша экскурсия, разделившись на несколько групп, идет песчаным берегом острова. Песок подхватывается порывами ветра и больно хлещет лицо и руки. Когда ветер намет высокие дюны. Они дымятся струйками песка и огромными желтыми черепахами переползают с места на место. Ветер заносит песок все дальше в глубь острова, и под песком гибнут трава, кусты, лес...

На мелкий берег волны выкатываются далеко и высоко вздымаются белыми гривами. Весь берег усеян

«дарами моря» — кусками деревьев, досками, сучьями, шепками, бревнами и просто мусором. Поодаль от берега, в море, лежит на боку разбитая шхуна, заброшенная сюда бурей.

На острове — домики метеорологической станции. Крутой год обдувают их ветры. Летом они заносятся песком, зимой — снегом. В шторм волны докатываются до их фундамента, а брызги молоточками стучат в закрытые ставни. На крыше станции, как пойманная птица, отчаянно бьется лопасть ветромера.

В 1918 году, когда суда «союзников» шли на Архангельск, Мудьюг должен был прикрывать вход в Двину. На нем была поставлена батарея. Однако военные специалисты, ставшие батареею, оказались изменниками: они поставили ее так, что сама она стрелять не могла, неприятель же служила прекрасной мишенью. Не сделав ни одного выстрела, батарея в несколько минут была сметена метким огнем английского крейсера. Вместе с батареей были сметены десятки отважных защитников Мудьюга — красных моряков...

Через месяц после занятия Архангельска интервенты устроили на Мудьюге тюрьму. Сперва она называлась: «тюрьмой для военнопленных», потом — просто каторжной тюрьмой...

С тех пор Мудьюг стал «Островом смерти».

III. Во мраке...

На берегу — на голом изрытом пустыре — два барака. Под маленькие, затемненные частыми решетками, окна насыпан земляной накат. Перед окнами тянется паутина колючей проволоки. Такая же паутина

окружает весь пустырь. Это и есть тюрьма.

Один барак — бревенчатый. В нем тесно, в два этажа устроены нары. Между ними — узкие проходы. Единственным освещением барака была керосиновая лампа, висевшая посередине. Свет от нее падал лишь на ближайšie нары. Весь остальной барак тонул во мраке.

Мрак был одним из средств воздействия на заключенных. Как только спускались ранние северные сумерки, арестантов загоняли на нары. Ходить по барaku запрещалось. Разговаривать — тоже. Все должны были молча лежать в темноте, наедине со своими думами, пожираемые голодом и... насекомыми.

В бараке арестованных набиралось до 700 человек. Лежали почти друг на друге, никаких подстилок и одеял не полагалось. Воздух был насквозь пропитан зловонными испарениями параш.

Длинная ночь была самым жутким временем на Мудьюге. В ночные часы барак наполнялся стонами, дикими вскрикиваниями, сумасшедшим бредом. Каждую ночь матрос, которого тюрьма из здорового парня делала калекой, звал в бреду свою мать. Он придумывал для нее прозвища ласковые, нежные. В противоположном углу кто-то выкрикивал изо всех сил: «А!..», и тянул это «а...» до тех пор, пока хватало дыхания. Его сосед безумно изрыгал проклятия. На верхней полке молодой заключенный всю ночь истошно визжал. В другом месте этот визг мог бы показаться смешным. Здесь же от него у самых крепких на лбу выступал холодный пот и шевелились волосы... Те, кто не спал, закутывали голову в одежду, затыкали уши. Но крики, стоны и визг проникали через все эти преграды.

В темноте крадучись пробирались между нарами смотрители барака. Заслышав скрип половиц под их ногами, заключенные вонзали ногти в нары и прижимались к доскам, стараясь сделаться незаметными. Скрип половиц затихал где-нибудь в углу. И тотчас же оттуда вырывался отчаянный крик. Несколько секунд слышна была борьба, слышались тяжелые удары и хрип задыхающегося под кляпом человека. Каждую ночь смотрители избивали кого-нибудь из непокорных заключенных...

От ночных звуков многие из тех, кто не спал, сходили с ума.

Человек, который велел нашу экскурсию по барaku, сам сидел в

Мудьюжской тюрьме. Однако, рассказывая, он ни слова не сказал о себе. Его рассказ был прост и дерзган. Лишь по временам, когда он называл кого-нибудь из зверей-смотрителей, его глаза загорались ненавистью. Но, укрощенные сильной волей, они сразу гасли.

Когда мы стали выходить из барака, один экскурсант спросил его: — А где было ваше место, товарищ?

Руководитель молча пошел узким проходом между нарами. Мы, затаив дыхание, следовали за ним. Остановившись в дальнем углу, он хлопнул ладонью по наре:

— Вот здесь, товарищ!

Сразу сделалось необъяснимо тихо. Жуткое прошлое барака стало вдруг чересчур близким. Неприятный сквозняк скользнул по спине, и мы торопливо затолпились к выходу...

IV. За колючей проволокой.

Осенью и зимой 1918 года на Мудьюге владывались французы. Первая партия заключенных была составлена из людей, обвиненных в большевизме. Несколько десятков революционных работников было арестовано в Архангельске тотчас же после занятия города союзниками.

Однажды ночью их вывели из Архангельской тюрьмы, привели на пристань и заставили грузить на

баржу колючую проволоку. Потом вместе с проволокой погрузили их самих, заперли в трюме и отвезли на Мудьюг.

На следующий день арестованные сами приготавливали для себя тюрьму: делали в бараке нары и окружали пустырь колючей проволокой. Ее протянули двумя параллельными стенами, метра в три вышиной, на расстоянии двух метров друг от друга. Все пространство между стенами вдоль и поперек опутали, той же колючей проволокой.

Вскоре привезли новых заключенных. Нужно было найти им работу. Искать недолго. Все побережье острова завалено грудами песка. Арестованных заставляли перетаскивать эти груды на носилках с места на место. Заставляли копать ямы, на другой день эти ямы надо было засыпать. Бесмысленность работы была одной из многих пыток Мудьюга...

Зимой заключенных впрягали в тяжелые сани, нагруженные доверху песком и мусором, и заставляли тянуть по льду и снегу в море, за несколько километров от берега. Там мусор сбрасывали, а на сани накладывали лед. Изнуренные люди падали замертво под тяжестью саней. Французские конвоиры приводили их в чувство штыками и прикладами...

Однажды какой-то заключенный при разгрузке галет из вагонетки подхватил выпавшую из ящика га-

Внутренний вид барака на Мудьюге, где складывали умерших в лазарете.

Памятник на острове Мудьюг, на месте ста двух братьских могил жертв интервенции.

лету и стал жевать. За это его порол резиновой плеткой и бросили в карцер. Из карцера он вышел совершенно ослабевший, но его тотчас же заставили работать. Он падал. Конвой был его доской. Тогда заключенные заступились:

— Лучше расстреляйте нас, но мы не допустим такого издевательства над нашим товарищем!

Большого положили на носилки и понесли в лазарет. По дороге он умер...

Другой заключенный не выдержал ужасного режима тюрьмы и лишился рассудка. Целыми днями он ходил по двору. Дойдя до проволоки, он останавливался и стоял до тех пор, пока кто-нибудь не брал его за плечи и не поворачивал. Тогда он шел в новом направлении...

Сумасшедших заключенные считали счастливыми людьми. Действительность была во много раз хуже мира галлюцинаций, в котором жили лишившиеся рассудка люди. И если кто-нибудь из сумасшедших выздоравливал, его искренно жалели...

V. Три блока.

Паразиты пожирали людей. В баню давалось полчаса в месяц. На эти полчаса надо было успеть набрать в ящик из-под галет горячей воды, в другой ящик — холодной, вымыться, выстирать белье, высушить его и одеться. Мыла не было.

Суточный паек состоял из трех галет, полфунта хлеба, твердого,

касался пальцем какой-нибудь кучки и спрашивал:

— Кому?

Отвернувшийся громко кричал:

— Комиссарову!.. Степанову!..

Вызванные старательно подбирали свои кучки, соскребывая крошки с нар.

Большинство не могло сдержать голода, и весь паек съедался сразу. К концу дня они валились от голода и выпрашивали у более экономных товарищей крошки галет и хлеба. Другие делили свой паек на несколько частей и растягивали его на весь день. Находились и такие, которые ухитрялись из пайка приготовить себе обед из... трех блюд. Из консервов они варили суп. Выловленное из него мясо было вторым. Третьим блюдом были раскрошенные и подпеченные на огне галеты. Из желеющих сварить себе подобный «обед» или просто подогреть еду перед печкой составлялась большая очередь, и не у всякого хватало терпения и сил стоять в ней. Кроме пайка, полагался еще на барак ушат кипятка.

Вследствие плохого питания, скудности, скверного воздуха началась цанга. С опухшими ногами, с кровотокающими язвами на деснах, закутанные в лохмотья, люди пластом валились на нарах. Плевались зубами, кровью, кусками десен. Некоторые больные в беспомощности выдергивали у себя все зубы...

Больных переводили в лазарет, но это не приносило им облегчения.

как камень, и четверти банки консервов. Хлеб выдавался далеко не всегда. Для получения пайка арестованные разбивались на десятки. Старший десятка делил полученные галеты, хлеб, консервы. Хлеб и галеты крошились, и каждый паек имел вид маленькой жалкой кучки. Для того, чтобы никто не получил больше других, пайки тщательно взвешивались на самодельных весах. В это время все стояли вокруг и, затаив дыхание, смотрели на весы. Потом один поворачивался спиной, другой какой-нибудь кучки

Барак, где помещался лазарет, сохранился до сих пор. Он — досчатый, и в стенах его такие щели, что сквозит с середины барака видно море. Сколько ни топили печку в лазарете, ветер выдувал все тепло. Зимой больные отмирали ноги и руки. Мало кто вышел из лазарета живым. Большинство отправлялось из него прямо в «Могилевскую губернию».

Непосредственно за ключей проволокой — зеленый холм. Теперь он пестрит цветами, и на нем — памятник. В восемнадцатом году сюда каждый день сгоняли арестованных копать ямы. Потом заключенные приносили из мертвецкой своих умерших товарищей, складывали в ямы и засыпали. На холме — сто две братских могилы...

VI. В земляном мешке.

Для непокорных были сделаны карцеры — земляные мешки. Всего их три; особенно жуток один из них. Он представляет собой плохо сбитый досчатый сруб, метра на три врытый в землю. На срубе — круглый потолок, обсыпанный комьями мерзлой земли. В этом карцере жутко пробыть и пять минут. Но вот расквас тов. Андрюхина, просидевшего там пятнадцать суток:

«В карцер вели две толстые двери. Окна в нем не было. Когда нас втолкнули в него, казалось, что все кончено и мы обречены на смерть...

Среди нас был большой латыш, почти голый. Давали нам в карцере по две галеты и горячую воду. Ужасна была первая ночь. Холодные, голодные, плохо одетые, мы чувствовали, что начинаем замерзать. Для того, чтобы хоть как-нибудь себя согреть, мы стоя топтались на одном месте. Ходить по карцеру было невозможно: мешали столбы, подпиравшие потолок, и в темноте мы стучались друг о друга.

Утром нас вызвали на допрос. Потом снова отправили в карцер.

Опять — долгая двадцатичетырехчасовая ночь! Товарищ Крап не вставал и стонал. Я уговаривал его не лежать все время, иначе можно замерзнуть, но он уже плохо сознавал окружающее. Нужно было собрать всю энергию, чтобы не предаваться отчаянию. Я строго следил за собой, и это, наверное, спасло меня от смерти. Те две галеты, которые получал утром, я строго распределял на все сутки, а не съедая сразу. Собираясь заснуть, я снимал обувь, раздевался, ноги прятал в

рукава пальто, а сам накрывался с головой остальной одеждой.

На вторые сутки один из нас не выдержал и, когда сержант принес галеты, сказал, что хочет говорить с переводчиком. Вскоре его увели на допрос. Вернувшись, он сказал, что выдал всех зачинщиков побега (тогда готовился большой побег, за что мы и попали в карцер) и за это его отправят в Архангельск.

Некоторое время спустя его вызвали с вещами, и сержант заявил: «Архангель». После того, как залопнула дверь, на меня напал припадок отчаяния. Я нашел в себе силы вырвать доску из нар и с ожесточением стал колотить ею в дверь. Если бы открыли дверь, я ударил бы француза. Вскоре, обессиленный, я упал на пол...

Опять — долгая холодная ночь. Гуляев перестал вставать, и это его погубило. Крап хрипел; я лег к нему, стараясь своим телом согреть его, и задремал сам. Проснувшись, чувствую какую-то тяжесть на себе. Ощупал — рука Краца. Однако она уже не гиблась. Крап умер. С трудом освободившись от его объятий, я опять забылся бредовым сном...

На третьи сутки в карцере прибавилось народа: посадили одного сумасшедшего, пытавшегося бежать, и подозрительного финна, который нас обо всем расспрашивал. Сумасшедший в своем углу все время чавкал. Оказалось, что он жевал свой сапог...

Когда пришел сержант, я сказал, что еще человек умирает, и показал на Гуляева. Сержант приказал отнести его в лазарет. Гуляев отморозил себе ноги, и когда мы снимали с него белье, вместе с бельем слезала кожа и текла вода...

Ночью я пытался разбить себе голову об столб, но был слишком слаб...

На пятые сутки что-то подействовало на палачей: по моей просьбе, нас повели мыться. В бане печка была накалена докрасна, и в банках от галет была согрета вода. Это были лучшие мгновения! От радости и наслаждения хотелось плакать. Когда же мы вернулись в карцер, то не верили своим глазам: там стояла наскоро сделанная печка. Дров в карцер не пожалели. Правда, первые сутки было что-то невероятное: печка дымила, дым ел глаза, мерзлая земля таяла, и отовсюду капала вода. Мы раздевались догола и выжимали одежду. Но с огнем стало куда лучше. Даже сумасшедший стал как-то разумней.

На десятые сутки нас посетила английская комиссия. Я спросил их,

поступают ли так, как поступили с нами, культурные люди, какими считают себя англичане. На это мне ничего не ответили.

Скоро сержант запретил непрерывно топить и повесил градусник. Голь на выдумки хитра: когда нам утром приносили дрова, мы их притали, а вечером говорили, что дров у нас нет. Утром, когда поднимался шум на улице и мы знали, что скоро к нам придут, мы быстро совали градусник в шель, чтобы он показывал низкую температуру, а как только начинал греметь засов, вешали его на место. Сержант смотрел на градусник, пожимал плечами, но дров давал, что нам и было нужно.

Нас осмотрел фельдшер. Мы все были истощены и черны, как арапы, от ды-

На рисунке: справа — барак, приспособленный белогвардейцами под склад трупов; слева — карательная будка.

ма. У меня начиналась водянка. При нажиме на щеку из глаза капала вода. В результате осмотра нам выдали по четверти банки консервов и жидкий рисовый суп.

Все, свежее со мной, перешли в лазарет. Чувствуя, что то же будет и со мной, я написал заявление переводчику, что, если меня не выпустят в течение этих суток, я покину с собой...

На пятнадцатые сутки я был выпущен, но из карцера не мог выйти, свалился от слабости и ползком добрался до барака...»

VII. Побег с „Острова смерти”.

Попытки к побегу с Мудьюга делались часто, но лишь немногие из них оканчивались удачно.

Летом 1919 года французское командование на Мудьюге сменилось английским, а затем белогвардейским, русским. Положение арестованных стало еще хуже. Тогда сплоченная группа политических за-

ключенных решила действовать. На пятнадцатое сентября было назначено восстание. Часть конвоя была на стороне заключенных.

Ровно в час дня раздался сигнальный выстрел. Работавшие на дворе арестанты бросились на конвой и быстро его обезоружили. Потом побегали к бараку, выдернули засов и закричали:

— Товарищи! Выходите! Свобода!..

В дверях — давка. Те, кто успел высочиться, побежали ко второму бараку, чтобы открыть и его. Но оттуда их встретили залпом. Надзор стал обстреливать бараки и двор. Многие упали. В рядах восставших

началась сумятица. Люди затемались по двору и, скрываясь от пуль, бросились в рассыпную. Некоторые в ужасе бежали обратно в барак и забивались под нары. Другие притянулись на дворе за стены, за куб для воды, залезали в ямы. Те, кто не потерялись, лезли через проволочные заграждения или руками подкапывались под них. Заклочая проволочка рвала тело. Сумевшие перелезть бежали к лесу.

Кто-то крикнул:

— В лесу патруль!

Тогда в панике многие метнулись обратно к тюрьме.

Тов. Стрелков, один из организаторов побега, уже добегал до леса, когда заметил, что бежать удалось лишь немногим. Не залумываясь, он бросился обратно, снова перелез через проволочку и, вбежав в барак, стал подбирать тех, кто попытался в нем. Ему удалось вывести с собой большую партию заключенных.

За лесом, на берегу Сухого моря, к счастью, оказались лодки кре-

стьян, приехавших на остров косить. Переполненные беглецами, они отчаливали одна за другой. Вспыхали многие не попали в лодки и бросились вброд. Шел прилив, и те, кого не успели подобрать, погибли в море...

Перебравшиеся на материк разделились на две группы. Одни пошли на Пинегу, другие — на Архангельск. До Архангельска было значительно ближе, зато дорога была опасней.

Группа, направлявшаяся на Пинегу, шла тайгой больше пятнадцати суток. Питались лишь ягодами и грибами. По дороге попадались топи протяжением в несколько десятков километров. Их приходилось переползать на животе. Было несколько встреч с разведками белых. Много раз беглецы подвергались обстрелу и тогда, разбежавшись по лесу, сутками лежали под густыми слямями; никто не знал: ушли его товарищи дальше или так же, как он, лежат где-нибудь в лесу.

На четвертые сутки один из группы, раненый при бегстве в ногу, стал чувствовать себя плохо. Чтобы дать отдых больному, в этот день группа рано остановилась. Но наутро оказалось, что отдых раненому не помог. Нога его почернела, распухла и не двигалась. Пришлось устроить носилки и поочередно нести больного.

Ити было тяжело. Измученные беглецы шатались под тяжестью ноши и еле пробирались сквозь густую чащу. Местами приходилось прыгать с кошки на кочку, носилки качались, ударялись о деревья, за-

цеплялись за ветки. Раненый громко стонал.

— Товарищи! — умолял он. — Не мучьте себя и меня. Нет сил терпеть! Оставьте меня, положите на землю... Дайте спокойно умереть!

Скоро все выбились из сил, и больного пришлось оставить в лесу. Устроили ему шалаш, нарубили дров, оставили спичек, топор, набрали грибов. Жуткое было прощание с остающимися. Все знали, что больше никогда не увидят его. Он же радовался тому, что больше не тяготит товарищей, и желал им счастливого пути...

VIII. У белого маяка.

После побега отряды солдат долго обшаривали остров. Никого из бежавших не нашли. Но так как казнить кого-нибудь было необходимо, отобрали наобум из оставшихся заключенных тринадцать человек и предали их военно-полевому суду. Суд продолжался полчаса. Приговор его был — расстрел...

Осужденных поместили в «камеру смертников» — маленькую караулку на краю двора. К караулке приставили усиленную охрану. Офицеры долго выбирали место казни. Наконец выбрали: у белого маяка, к северу от тюрьмы.

На следующий день все солдаты были вызваны к тюрьме в полном боевом снаряжении, с пулеметами. Осужденных поставили у маяка на береговой отмели. Перед ними в три цепи выстроили солдат. Передняя цепь состояла из наименее надежных. На нее держала пришел вин-

товок вторая цепь — более надежная. А в стороне, где находилось командование, было поставлено несколько пулеметов дулами на солдат. Расстреливала первая цепь. Остальные солдаты присутствовали для безопасности...

Недели через две после побега тюрьма была переведена на Мурманский берег, на полуостров Иокангун. Оттуда бежать было некуда: кругом голые скалы, тундра, болота на сотни километров. Там в темных зловонных землянках, во мраке полярной ночи, в условиях еще худших, чем были на Мудьюге, заключенных уничтожали медленным, мучительным измором. Но всех уничтожить не успели: Север снова стал красным. И когда пали тюремные засовы, иные арестанты не могли выдержать радости и умирали со словами:

— Наконец-то дождался!..

Поднявшийся ветер нагоняет на море темно-серую муть. Низкие изорванные облака заволакивают небо. На Мудьюге крутится песок, хлестким вихрем несется в глубь острова, наметает бугры, засыпает траву, лес. Ветрометр на станции показывает шторм. Наш пароход торопится уйти в Двину.

Снова идем Маймакской. Снова вереницей стоят у берегов громоздкие лесовозы. У нас на пароходе опять три музыки: два оркестра и хор. Когда проходим мимо норвежского лесовоза, два матроса в голубых фуфайках обхватывают друг друга и танцуют фокстрот. На этот раз под «Молодую гвардию».

== „КОРАБЛИ-ПРИЗРАКИ“ ==

(К рисунку на обложке)

В стране ледяного безмолвия, среди айсбергов и снежных холмистых равнин, под тусклым небом Арктики странствуют призрачные суда. Обледеневшие, в саевые туманы бороздят они простор по воле ветров и течений... Не одному охотнику или полярному исследователю случалось видеть в морозной мгле «корабли-призраки». Причудливо обросший чешуей льдов, с седыми сталагмитами мачт, он ревниво и безмолвно хранит тайну своей гибели...

Имена некоторых из этих кораблей известны, большинство же их безымянно. С каждым годом полярные мореплаватели обнаруживают все новые суда «флота смерти». То здесь, то там появляется выходец из ледяной могилы и бесследно исчезает... Иные из них заносятся далеко к югу странствующими льдами; порою они попадают на пути судов, совершающих трансатлантические рейсы. Непостоянен и неопределен курс мертвых судов, подобно курсу ледяных полей и айсбергов...

Невольно вспоминаются фантастические рассказы старых моряков, которые так хорошо слушать, сидя у камина, под треск поленьев и пляску оранжевых огней...

... Ночь. Шторм. Среди черных пучин — одинокий бриг. Возли жак. Стои такелажа. Паруса изорваны в клочья. С грохотом рушится мачта. На реях гигантскими светляками мигают огни св. Эльма. Капитан хрипит проклятия. Команда остережено мечется на палубе... Внезапно из бурного мрака вырастает корабль-призрак. Завоевшей тенью скользит он мимо брига — и через миг тает во мгле, словно звук погребального колокола... Бледные, как туман, люди косятся друг на друга. Корабль-призрак предвещает бригу неминуемую гибель...

Однако нет такой фантазии, которая не имела бы под собой реальной почвы, не была бы извращенным отголоском какого-нибудь явления природы или действительного события.

Не так давно появилась «призрак» погибшего русского парохода «Полотовский».

Однажды вечером эскимосы на охоте за моржами заметили сквозь туман обледенелый корпус огромного парохода. Мертвый гигант сиротливо маячил среди ледяной пустыни. На борту его можно было разобрать надписи: «Полото...». Эскимосы решили на следующий день поутру пройтись к таинственному судну и осмотреть его. Однако, когда они проснулись, парохода уже не было. Ветер резко переменялся. Корабль-скиталец унесся неведомо куда...

О судьбе, постигшей «Полотовского», известно следующее: в декабре 1915 года близ земли Михаила пароход был затерт паковыми льдами. Весной следующего года он попал в чудовищный шторм возле мыса Нюма и без вести пропал. Предполагают, что «Полотовский» либо сгорел, либо потонул.

Немало славных судов поглотили ненастные льды и холодные воды океана. Известно только, что корабли эти ушли и не вернулись. Никто никогда не узнает о трагедии, пережитой их экипа-

жем: ужасы полярной осады, шторм льдин, безнадежные скитания в мертвых просторах, муки голода и замерзания.

В 1845 году корабль «Эребус» и «Террор» покинули Англию, направляясь в полярную экспедицию. На борту их было 129 человек. В последний раз их видели в Барфийновом заливе... Шесть лет (с 1847 по 1853 г.) десятки судов рыскали в полярных водах в поисках исчезнувших. Напрасно... Лишь в 1897 г. пришла весть о погибших. В одну бурную ночь к берегам мыса Барроу прибило восемь обледенелых весельных ботов с именами давно пропавших кораблей. Повидимому, часть экипажа покинула затертые льдами суда и сделала попытку добраться до твердой земли. Может быть и поныне скитаются «Эребус» и «Террор» среди безбрежных льдов и порою пугают эскимосов-промышленников...

Пароход «Глазго» в 1845 году вышел из Мерсбейя, имея на борту 480 пассажиров. Он направлялся в Филадельфию, но так и не достиг места своего назначения. Незадолго до «Глазго» потому же пути прошел пароход «Вестморланд». Капитан его сообщил, что на третий день пути судно попало в льды и застряло в них на 30 часов. Протяжение ледяного поля капитан определил в 347 миль. Повидимому «Вестморланд» побывал на кладбище «Глазго».

В ноябре 1841 года пароход «Президент» отбыл из Нью-Йорка, направляясь в Ливерпуль. Свирепствовал шторм. На пути то-и-дело попадались плывучие льдины. «Президент» не пришел в Ливерпуль. Его напрасно искали по всевозможным направлениям и обширily вид гаваней... Несколько лет спустя в судовом журнале одного португальского парусника нашли

запись, гласившую, что такого-то числа был замечен большой пароход, медленно шедший по бурному морю. В трубах его не было дыма, машины, видимо, были испорчены. Запись была сделана через месяц после исчезновения «Президента»...

Японский пароход «Ола-Марл» был так же встречен среди океана с бездействующими машинами. На борту его было обнаружено восемь трупов. Эти немые пассажиры, конечно, ничего не могли сообщить о постигшей судно трагедии...

Однажды к берегам Лабратора пошел корабль с распушенными парусами. Это была шхуна «Мария». На судне не было обнаружено ни малейшего повреждения. В судовом журнале не упоминается ни о шторме, ни о пожаре, ни об эпидемии. Все было благополучно, за исключением одного обстоятельства: на борту «Марии» не было ни души...

АМЕРИКАНСКАЯ СИБИРСКО-АРКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Весной этого года в пустынные холодные соды Арктики вышла снаряженная Американским музеем естественных наук экспедиция, намеревающаяся произвести археологическое исследование северного побережья Сибири и лежащих вблизи него островов. Экспедиция преследует также зоологические цели. Район, намеченный для исследования, простирается от Алеутских островов до устья реки Колымы — то-есть на 1200 миль к западу от Берингова пролива.

Для нужд экспедиции оборудована шхуна «Моррисей». Это судно является ветераном северных морей и уже плавало с экспедициями в Гренландию и на Барфийновом земле.

Главной задачей экспедиции является отыскание на далеком севере мумий, о которых упоминается в некоторых научных источниках. Эти мумии, принадлежавшие очень древним племенам, переселившимся из Азии через Алеутские острова на северо-американский материк, представляют огромный интерес для науки. Они значительно древнее мумий, найденных в египетских пирамидах, но точных сведений о них пока имеется очень мало. В Аляске и на островах Берингова моря еще залогом до появления там европейца существовала чрезвычайно своеобразная культура. Главному руководителю экспедиции Мак-Кракену приходилось слышать о таинственных пещерах, в которых якобы похоронены покойники, одетые в пышное царское облачение. В гробницах находятся дорогие меха и другие предметы, присущие торжественному похоронному церемониалу. На лица умерших надеты искусственно вырезанные и раскрашенные деревянные маски, являющиеся, так сказать, «портретом» покойника.

Мак-Кракен провел две зимы и одно лето в Западной Аляске, охотясь на крупных зверей и фотографируя их для музея. Побывал он и на Восточных Алеутских островах. Живя среди туземцев по соседству с теми островами, на которых, по рассказам, находятся таинственные пещеры, он собрал данные, не оставляющие сомнения в том, что и пещеры и

мумии не могут быть отнесены к легендам местного населения.

Не может быть сомнения в том, — говорит Мак-Кракен, — что мумии, о которых идет речь, сохранились благодаря особому, очень искусному процессу балла-замораживания. Климат на Алеутских островах чрезвычайно сырой, там в течение большей части года идут проливные дожди, и все это едва ли может благоприятствовать естественному сохранению трупов от разложения. Древность же мумий подтверждается полнейшим отсутствием каких-либо легенд об их происхождении.

Мак-Кракену не удалось найти ни одного рыбака, который согласился бы свезти его на острова, где находится пресловутые пещеры. Местные жители очень суеверны. Они убеждены, что на голову того, кто вздумает пристать к этим островам, падет неизбежное несчастье, а прикоснувшийся к мумии немедленно умрет.

Закончив свои работы на Аляске и Алеутских островах, экспедиция направится к юго-восточному берегу Камчатки и от Петропавловска двинется вдоль восточного побережья Сибири к Анадырскому заливу, а оттуда через Берингов пролив в Северное Полярное море. Во время пути будут добыты тихоокеанские мумии. В американских музеях еще нет ни одного экземпляра этого животного, и вместо настоящих чудел имеются изображения, сделанные из папье-маше. Надеются также добыть полярных медведей, редкого полосатого тюленя, ласку и других сибирских млекопитающих, либо мало изученных, либо совершенно неизвестных ученым. Особенно интересуют экспедицию огромный седой камчатский медведь и камчатский горный баран. До сих пор в музеях Америки нет полной коллекции всех видов этих животных.

Северная часть сибирской территории по своей площади равняется Северо-Американским Соединенным Штатам. Ее прорезают огромные реки, впадающие в Северное Ледовитое море. Устье одной из этих рек — Колымы — экспедиция избрала своей базой для дальнейшей работы.

Плавание в сферах береговой полосы Сибири очень опасно. Немало судов отважных путешественников и купеческих шхун погибло здесь, но и тем из них, которые вернулись, не удалось сделать ничего, если не считать поверхностного изучения берега и выполнения некоторых гидрографических работ.

Экспедиция намеревается подняться по Колыме вверх на 600 миль, для чего имеется специальный китобойный катер с мощным двигателем.

Здесь они надеются найти разнородности лоса, в том числе и того гигантского лоса, о существовании которого было столько споров среди ученых.

Между тем в Вашингтонский музей были привезены — и именно с Колымы — черепя этого лоса и лосихи. Размах рогов гиганта составляет 2 метра 93 сантиметра. Однако этих черепов недостаточно для составления полного описания животного. В горах Колымского района должны водиться также горные бараны, являющиеся средним видом между горными баранами Северной Сибири и найденными в Гималаях. Единственный экземпляр такого барана был вывезен из дальневосточной части Северной Сибири путешественником Джоном Барганом.

Этот баран имел много общего с горным видом баранов Аляски. На Колыме полагают найти новый вид горного барана, который должен представлять переходную ступень от тропического памирского архара (1) к барану, найденному Барганом.

По окончании работ на Колыме экспедиционная партия вернется на «Моррисей» и двинется к островам Новой Сибири, приблизительно на 600—700 милях от Северного полюса. Вполне возможно, что экспедиции придется провести зиму 1928—29 г. в арктической Сибири. Однако все же будут приняты меры, чтобы пройти обратно Берингов пролив до зарождения его льдами. Если эта попытка не удастся, то придется укрыть судно в устье одной из рек и зимовать.

Шхуна «Моррисей» представляет собой английское рыболовное судно, приспособленное для научных плаваний в арктических водах. Продовольственных и прочих запасов на «Моррисей» имеется на 15 месяцев. Для сообщения с внешним

1) Открыт известным итальянским путешественником Марко Поло, прошедшим всю Азию в XIII веке и оставившим бесценные труды с описанием своего путешествия.

миром служат усовершенствованная радиостановка, работающая при помощи длинных и коротких волн.

Экспедиция намерена установить контакт со всеми радиопользователями. Для этой цели установлены призы для тех, кто

сумеет перехватить посланные с «Моррисес» радиопередачи.

В зависимости от количества и важности последних будут выдаваться шкуры полярного медведя, моржовые клыки и другие диковинки полярной страны.

попадает в спячку, а с нею в желудок. Метилловый спирт очень вреден для организма человека и вызывает иногда внезапные серьезные заболевания, вплоть до слепоты.

ЗЕРКАЛА ДРЕВНИХ ГРЕКОВ.

Археологи давно уже находили при раскопках в Греции овалынные каменные плитки, отшлифованные каким-то неизвестным способом до исключительной гладкости. Назначение таких плиток долгое время оставалось неизвестным, пока недавно один английский археолог не выдвинул следующую остроумную гипотезу: древние греки пользовались этими плитками как зеркалами. При смачивании плиткой водой отполированные поверхности их приобретают прекрасные отражающие свойства.

КИНО НА 10 000 ЗРИТЕЛЕЙ.

В Нью-Йорке открыт величайший в мире кинематограф, вмещающий 10 тысяч зрителей. Кресла в зрительном зале снабжены лампочками, которые вспыхивают в момент освобождения места, благодаря чему вход в зрительный зал беспрерывный. На нескольких экранах демонстрируются разные картины, поэтому, если зритель не нравится одна картина, он может повернуться и смотреть другую.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ДИРИЖАБЛЬ-САНАТОРИЙ.

Благоприятное влияние горного климата на течение некоторых болезней — туберкулеза, общего упадка сил и т. д. — известно давно. Целый ряд курортов (напр., в Швейцарии Давос и др.) в широких размерах применяют лечение горным климатом. Лечебные свойства горного климата основаны прежде всего на чистоте и сухости горного воздуха, отсутствии в нем пыли и действии ультра-фиолетовых лучей солнца, которые отличаются особой интенсивностью на большой высоте.

Практичные немцы недавно выступили с предложением использовать благотворное действие горного воздуха без затраты больших денег и времени на поездку в горные местности. Для этого немецкие врачи предлагают построить специаль-

ные дирижабли-санатории. Такой дирижабль отличается от обычных воздушных кораблей только наличием в верхней части корпуса соляриев (помещений для солнечных ванн). Дирижабль может поднимать с собой около ста больных и необходимого персонала. По мысли авторов проекта, такие дирижабли должны находиться в распоряжении всех городских клиник и больниц. Поднимаясь ежедневно на два-три часа на высоту от 1 1/2 до 2 км., больные, не покидая своего горюда, смогут проходить курс горного лечения.

Ю.

ЧЕМ ВРЕДЕН ТАБАК?

До сих пор думали, что табак вреден содержащимся в нем ядом — никотином. Теперь германские ученые обнаружили, что табаке еще одно очень вредное вещество — метилловый (древесный) спирт. Этот спирт содержится и в никотине и в древесине табачных листьев. При курении спирт переходит в дым. А так как метилловый спирт хорошо растворяется в воде, то он

И. д. ответственного редактора Н. Яковлев.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

<p>ОТКРЫТА</p> <p>на 1929 г.</p> <p>ПОДПИСКА</p> <p>СМОТРИТЕ!!!</p> <p>подробнее объявление в номере 11 журнала „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“</p>	<p>НА ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ</p>	<p>ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ</p>	<p>ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, КРАЕВЕДЧЕСТВА И ОХОТЫ</p>
	<p>САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК В СССР</p>	<p>С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ</p>	<p>ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ</p>
	<p>1-й АБОНЕМЕНТ (за 6 руб.):</p> <p>12 № „ВСЕМИР. СЛЕДОПЫТ“ 24 № „ВОКРУГ СВЕТА“ 12 № „ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ“</p>	<p>ДЖЭКА ЛОНДОНА</p>	<p>ПОДПИСНАЯ ПЛАТА</p> <p>С ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ ВО ВСЕ МЕСТНОСТИ СССР</p> <p>1-й АБОНЕМЕНТ: на год—6 р., на 6 мес.—3 р. 25 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., на 1 мес.—50 к.</p> <p>2-й АБОНЕМЕНТ: с приложением второй половины (с 25 по 48 книг) сочинений Джэка Лондона на год—10 руб., на 1 мес.—1 р.</p> <p>3-й АБОНЕМЕНТ: с приложением 48 книг первой и второй половинами сочинений Джэка Лондона на год—14 руб. 50 к.</p>
	<p>2-й АБОНЕМЕНТ (за 10 руб.):</p> <p>В этот абонемент входит, кроме перечисленного в 1-м абонементе, последние</p> <p>24 КНИГИ ПОЛНОГО СОБР. СОЧИНЕНИЙ ДЖЭКА ЛОНДОНА</p>		<p>7-й АБОНЕМЕНТ (за 14 руб. 50 коп.):</p> <p>В этот 3-й абонемент входит, кроме перечисленного в 1-м абонементе, все</p> <p>48 КНИГ ПОЛНОГО СОБР. СОЧИНЕНИЙ ДЖЭКА ЛОНДОНА</p>
	<p>Отдельно на соч. ДЖ. ЛОНДОНА в модника НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.</p> <p>В целях удовлетворения всех подписчиков издательство просит выслать подписную плату не позднее 20 декабря текущего года непосредственно в адрес издательства.</p>	<p>В 1929 ГОДУ ПОДПИСКА НА „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“ РАСПАДАЕТСЯ НА 3 АБОНЕМЕНТА</p>	<p>При подписке непосредственно в издательстве или его отделениях производится рассылка. Годовые подписчики, выславшие одновременно годовую подписную плату (6 р. по 1-му абонементу, 10 р. по 2-му абонементу на 14 р. 50 к. по 3-му абонементу) непосредственно в адрес изд-ва не позднее 20 декабря с. г., получают с № 1 „Следопыта“ дополнительную БЕСПЛАТНУЮ ПРЕЖНУЮ книгу «МНОГО ЖИЗНИ — К СЕВЕРУ». Книга содержит ряд удивительных очерков и рассказов на тему о борьбе человечества за Северный полюс, включая и последние сведения экспедиции.</p> <p>ПОДПИСКУ И ДЕНЕГ НАПРАВЛЯТЬ (исключая переводов): Москва, Центр, Ильинка, 15, Анд. Издательскому О-ву „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“</p>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО К XI ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

ЛЕНИН и ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Сборник статей под ред. М. Мещерякова
Стр. 151. Ц. 50 к.

В. И. ЛЕНИН

ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Составил и снабдил примечаниями М. Пошер-
стин. Предисловие С. Крижцова.
(Ленинск. биб-ка партии, под общ. редакцией
С. С. Крижцова.)

Стр. 94.

В. И. ЛЕНИН

КЛАССЫ и ПАРТИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

(СВОРНИК)

Сост., снаб. примеч. и предисл. В. Н. Панфилова.
Стр. 144. Ц. 70 к.

И. СТАЛИН

НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

Статьи и речи. Март—октябрь 1917 г.
Стр. 280. Ц. 50 к.

Н. БУХАРИН

НА ПОДСТУПАХ К ОКТЯБРЮ

Статьи и речи. Май—декабрь 1917 г.
Стр. 188. Ц. 75 к.

АППО ЦК ВКП(б.)

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СПРАВКА ДЛЯ АГИТАТОРОВ

М. САВЕЛЬЕВ

ЛЕНИН и ОКТЯБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Стр. 62. Ц. 20 к.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Работы исторического семинария
Института красной профессуры
Под общ. редакцией М. Н. Покровского.
ИСТПАРТ ЦК ВКП(б).
Том I. Стр. XI + 518. Ц. в переплете 4 р.
Том II. Стр. VII + 452. Ц. в переплете 3 р. 50 к.

1917 г. В ДЕРЕВНЕ

Воспоминания крестьян о 1917 г.
Порайонные и погубернские данные
о крестьянском движении
Под ред. и с предисл. Я. А. Яковлева.
(Печатается).

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСТПАРТ ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

АКТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ и ОРГАНИЗАЦИИ
АЛЬБОМ составил П. Ф. Кудеяв
и Н. И. Кулябко.
Таблицы работы художника Я. М. Гуминер.
Стр. текста VII + 31 и 40 таблиц. Ц. 4 р. 50 к.
в коллективном переплете 7 р. 50 к.

ЦЕНТРАРХИВ

1917 ГОД В МАТЕРИАЛАХ и ДОКУМЕНТАХ

Под общ. редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева
Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.
Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро
ИК. С предисловием Я. Яковлева. Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.
**Первый Всероссийский Съезд Рабочих и Солдатских Де-
путатов.** Протоколы заседаний. Печатается.
**Второй Всероссийский Съезд Рабочих и Солдатских Де-
путатов.** Протоколы заседаний. Стр. XI + 180. Ц. 2 р.
**Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских
Депутатов.** Март—апрель 1917 г. Протоколы заседаний.
Стр. 356. Ц. 4 р. 50 к.
Крестьянское движение в 1917 году. Материалы и документы.
С предисл. Я. А. Яковлева. Том I. Стр. 471. Ц. 5 р. 25 к.
Разложение армии в 1917 году. Подготовлено к печати
Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева.
Стр. 371 + карта. Ц. 1 р. 50 к.
Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати
В. Л. Меллер и А. Панкратова. С предисл. Я. А. Яко-
влева. Стр. 371. Ц. 4 р.
Буржуазия накануне Февральской революции. Подгото-
вила к печати Б. Б. Граве. Стр. XVIII + 204. Ц. 2 р. 40 к.

Исчерпывающий список литературы по всем вопросам культурного и хозяйственного строительства СССР, истории гражданской войны, Октября и гражданской войны в художественной литературе и кинематографе для детей и юношества помещен в модернизированной и инвентаризированной каталог «ОКТЯБРЬ»—Десять лет борьбы и строительства. Ц. 50 к. Дополнение к нему в БЮЛЕТЕНЕ ГОСИЗДАТА № 38—39. Цена отдельного номера—10 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в ТОВАРНЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА: Москва, Ильинка, Боговильевский пер. 4, тел.: 5-50-80 и 2-65-31. Ленинград, Лентуха, проспект 25 Октября, 28, тел. 8-34-13 и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР. Москва, 64, Госиздат, «Книга-почтой», или Ленинград, Госиздат, «Книга-почтой», или Казань, Госиздат РСФСР. «Книга-почтой», или Ростов/Д., Госиздат, «Книга-почтой», в пределах Уралы—Харьков, Госиздат РСФСР, «Книга-почтой»—высылают книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандабельно наложенным платежом. Книги высылаются: при заказе до 1 руб. только по получении стоимости (можно почтовыми марками), при заказе свыше 1 руб. по получении задатка в размере 25% стоимости заказа.

БИБЛИОТЕЧКА ОКТЯБРЯ

Истпарт и Агитпроп ЦК ВКП(б).

Ярославский, Ем.—Партия большевиков в 1917 году. Стр. 107. Ц. 35 к.
Горин, П.—Пролетариат в 1917 году в борьбе за власть. Стр. 119. Ц. 40 к.
Дубровский, С.—Крестьянство в 1917 году. Стр. 148. Ц. 50 к.
Панкратова, А.—Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. Стр. 103. Ц. 35 к.
Смидович, С.—Работница и крестьянка в Октябрьской револю-
ции. Стр. 148. Ц. 50 к.
Шестаков, А.—Большевики и крестьянство в революции 1917 года. Стр. 88. Ц. 30 к.
Шохин, А.—Рабоче-крестьянская молодежь в Октябрьской револю-
ции. Стр. 90. Ц. 30 к.
Эйдман, Р. и Меликов, В.—Армия в 1917 году. Со вступи-
тельной статьей А. А. Варенцовой «Старая армия и контрреволюция». Стр. 107. Ц. 35 к.
Пионтковский, С.—Октябрь 1917 года. Стр. 108. Ц. 35 к.